

Поппи Ли

АРХИВ

грехов

Мечь была планом.
Любовь оказалась просчётом.

18+

Поппи Ли

Архив грехов

<https://litres.ru/74358992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Реставратор Амалия Томпсон осталась одна: родители погибли в пожаре, который полиция отказалась расследовать, а долги отца растут так, будто их кто-то умножает нарочно. И когда самый закрытый человек Европы предлагает ей сделку, она соглашается, прекрасно понимая, что на кону её свобода.

Дамиан Вейс не снимает чёрных перчаток и не отвечает на вопросы. В его готическом замке запрещено выходить из комнаты после полуночи и приближаться к западному крылу. Но главное правило Амалия нарушает в первый же вечер — она без страха смотрит ему в глаза. За воротами её ждёт мир, где бриллианты надевают как ошейники, а сделки оплачивают чужими жизнями.

Амалию наняли ради столетнего портрета женщины с её собственным лицом. И чем глубже она снимает слои старого лака, тем яснее: и портрет, и долги, и даже гибель семьи — не случайность.

Контракт подписан. Осталось понять, кто в этом замке настоящий пленник.

Содержание

Аннотация	4
От автора	6
Пролог	8
Глава 1. Приглашение на казнь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Архив грехов

Аннотация

Реставратор Амалия Томпсон осталась одна: родители погибли в пожаре, который полиция отказалась расследовать, а долги отца растут, будто их кто-то умножает нарочно. Поэтому, когда самый закрытый человек Европы предлагает ей сделку, она подписывает — зная, что продаёт свободу.

Дамиан Вейс не снимает чёрных перчаток и не отвечает на вопросы. Его готический замок живёт по правилам, которые нельзя нарушать: не выходить из комнаты после полуночи, не приближаться к сгоревшему западному крылу, быть послушной и выполнять условия контракта. Но главное правило Амалия нарушает в первый же вечер — она начинает смотреть ему в глаза. А контракт открывает ей не только замок: за его высокими воротами — мир, куда пускают только своих, где бриллианты надевают как ошейник, а сделки заключают лишь взглядом и оплачивают чужими жизнями.

Её ждёт работа, ради которой её и купили: столетний портрет женщины с её собственным лицом. Но чем глубже Амалия снимает слои лака, тем яснее понимает: и портрет, и её долги, и даже пожар в родном доме — не случайность. За ними стоит сила без имени и лица, которая не прощает любопытства и не оставляет подписей — только числа. Здесь

двое сломанных людей опасно близки к тому, чтобы восстановить друг друга — или сгореть дотла вместе. А тайна, которую они снимают с холста, ведёт счёт людям поштучно — и уже вписала в него их обоих.

Контракт подписан. Дверь клетки закрылась. Осталось узнать, кто в этом замке пленник на самом деле.

Тёмный готический роман о цене мести и о любви, которая приходит туда, где её не ждали.

Возрастное ограничение 18+

Отавтора

Эта история — тёмный готический роман / романтический детектив 18+.

Предупреждение о триггерах, которые присутствуют в книге:- Чувственные сцены близости (*без откровенной графики*)- Насилие, угрозы, финансовое принуждение и убийства- Упоминания суицида и гибель близких (*включая пожар*)- Жестокое обращение с ребенком (*в воспоминаниях героя*)- Властные, собственнические отношения и слежка- Панические эпизоды, ПТСР и готовность героя к саморазрушению

Я написала книгу с любовью к сложным эмоциям, но ваше душевное равновесие всегда на первом месте. Если какие-то из этих тем могут ранить вас или вызвать тяжелые воспоминания, пожалуйста, будьте бережны к своим эмоциям и состоянию. Берегите себя и выбирайте то, что сейчас вам по силам.

Повествование ведётся от третьего лица с чередованием фокуса внимания между точками зрения главных героев. Композиция включает вставки исторических документов и оригинальную внутреннюю нумерологию, объединяющую судьбы героев.

Приглашаю в Глен-Мор. Свет можно не включать, привыкайте к темноте.

Пролог

Эдинбург, март 1938 года

Третья свеча догорала за ночь.

Электричество в мастерской было исправное, проведённое ещё до войны, но она не зажигала его с вечера. Свет из окон второго этажа над закрытой антикварной лавкой виден с трёх улиц, а свеча только с одной. Теперь приходилось думать о таких вещах.

Дождь перебирал стёкла — терпеливо, как счетовод. Пахло олифой, воском и остывшим чаем, к которому она так и не притронулась. Женщина сидела за рабочим столом, и руки её — сухие, в вечных пятнах краски, с коротко остриженными ногтями, делали своё дело так же ровно, как делали его тридцать лет подряд.

На мольберте у стены стоял портрет.

Женщина на холсте была моложе её на тридцать лет — светлые волосы, упрямый подбородок, глаза, в которых художник поймал то ли вызов, то ли вопрос. Когда-то ей казалось, что это лучшее, что с ней случалось: сидеть у высокого окна, злиться на долгую неподвижность и не знать, что за неподвижность бывает злость куда длиннее — длиной в жизнь. Теперь она смотрела на ту, молодую, без зависти. С той у них остались общие только руки.

Днём в лавку внизу заходил человек. Спрашивал багеты

для гравюр, мял в пальцах перчатки и слишком долго смотрел на лестницу, ведущую на второй этаж. Антиквар — добрая душа, рассказал об этом со смехом: чудак, мол, багеты ему подавай в четверг вечером. Она посмеялась вместе с ним. Потом поднялась к себе, закрыла дверь на оба замка и достала из тайника под половицей то, что должна была уничтожить ещё неделю назад.

Но не уничтожила их. В этом была вся она — упрямство, которое муж, царствие ему небесное, звал шотландским, хотя шотландцем был он, а не она.

Список лежал теперь на столе, прижатый бронзовым пресс-папье. Два листа. Двадцать семь имён, выписанных её убористым почерком: банки, ведомства, суммы, даты. Кровеносная система чудовища, которое не значилось ни на одной карте и которое второй месяц дышало ей в затылок. Она собрала это по крупичам, по обмолвкам заказчиков, по документам, которые проходили через её мастерскую в рамках, футлярах и двойных переплётах, собрала, потому что умела видеть скрытые слои. Такое уж ремесло.

За ремесло и платят. Каждому — своим.

Комната наверху вторую неделю стояла пустой. Своего сына, Джейми, она отправила к двоюродной сестре в Абердин с гувернанткой, с оловянными солдатиками, с обещанием приехать к Пасхе. Мальчик дулся и не смотрел в окно поезда. Это было единственное, что она успела сделать правильно и вовремя, и теперь, вспоминая его сердитый заты-

лок, она каждый раз чувствовала, как внутри что-то встаёт на место. Родной малыш далеко, а остальное поправимо или неважно.

Она придвинула чистый лист и взяла перо.

«Адриан. Я нашла то, о чём ты меня предупреждал. Они настоящие и они знают, что я узнала...»

Перо шло быстро, без помарок — она писала это письмо в голове уже неделю. Про список. Про то, где искать. Про то, чего делать нельзя: не мстить сгоряча, не винить себя, не искать её. Дойдя до последних строк, она всё же остановилась.

«Позаботься издала о моём мальчике, если сможешь. Не появляйся, просто следи, чтобы беда обходила его стороной. Он Томпсон, у него моё упрямство: этого хватит на всё остальное.

И последнее, милый друг. Я знаю твой дом и знаю твою породу, вы умеете превращать горе в камень, а камень в стены. Не позволяй этому дому сделать из тебя чудовище. Из всех людей на земле мне невыносима эта мысль только о тебе».

Перечитав письмо, подписала его и промокнула свежие чернила. На секунду задержала дыхание, прижавшись губами к собственному запястью, старый привычный жест взамен всего, для чего не хватило слов.

Пальцы работали на автомате. Листы легли в плотный конверт из вощёной бумаги. Три витка серой бечёвки, знакомый узел — сорок лет привычных движений. А потом она

сняла портрет с мольберта и повернула его лицом к столу, подальше от света свечи.

— Ну, потерпи, — сказала она то ли раме, то ли себе.

Нож она прогрела над пламенем — тёплый металл входит в старый столярный клей мягче холодного. Скоба у правого нижнего угла поддалась на четвёртой минуте: старое дерево не терпит спешки, оно должно само захотеть отдать. Под скобой открылась узкая полость — тёмный зазор между холстом и подрамником, куда не заглядывают ни свет, ни время, ни чужие глаза. Она знала этот зазор, как знала все пустоты всех рам на свете. Всю жизнь она вынимала из таких тайников чужие секреты. Пора было положить туда свой.

Конверт вошёл без усилия. Скоба вернулась на место — чуть криво, с царапиной по дереву: не от небрежности. Тот, кто умеет видеть скрытые слои, должен заметить след. Кто не умеет — не заметит никогда.

Она поставила портрет обратно на мольберт, отступила и долго смотрела, как женщина с упрямым подбородком держит теперь на плечах два рода и двадцать семь имён — и не сгибается. Хорошая работа. Что холст, что женщина.

Потом она вымыла кисти.

Это было необязательно, но она домыла их все, вытерла стол, поправила стопку эскизов и переставила чашку с остывшим чаем в мойку. Комната приняла тот вид, в каком не стыдно оставить её надолго. У двери на вешалке висело пальто, и она его не тронула.

Собака у мясной лавки напротив замолчала час назад — разом, на полулае. В конце улицы, там, куда не доставал фонарь, второй час стоял автомобиль с погашенными фарами. Дождь всё перебирал стёкла, и под этот звук она села в кресло, лицом к двери, спиной к портрету, — сложила на коленях руки в пятнах краски и стала ждать.

Свечу задуть не стала. Пусть видят: их ждали.

Шаги на лестнице были тихие, воспитанные. Стук — вежливый и троекратный. Она в последний раз обернулась к портрету — к той, молодой, у которой всё ещё было впереди. — Ну вот и всё, — сказала она ей. И пошла открывать.

Через две недели антиквар с первого этажа продал портрет высокому человеку, приехавшему с севера. Человек не торговался, не задавал вопросов и нёс картину к автомобилю сам, отстранив шофёра, — бережно, как несут спящего ребёнка.

Больше портрет никто не видел. Он молчал восемьдесят восемь лет.

Глава 1. Приглашение на казнь

«У дьявола нет копыт и рогов, у него есть безупречный костюм и контракт, который ты подпишешь по собственной воле».

Лондон, наши дни

Дождь в Лондоне сегодня пытался смыть город с лица земли. Тяжёлые холодные капли разбивались об асфальт, размазывая по нему городскую пыль и чьи-то несбывшиеся надежды. Амалия замерла в колоссальном вестибюле Weiss Corporation. Огромное пространство из тёмного полированного мрамора напоминало не холл бизнес-центра, а современное святилище власти. Каждый её шаг гулким эхом отражался от высоких сводов, заставляя чувствовать себя крошечной и до боли неуместной в своём поношенном пальто. Она судорожно сжала ремешок старой кожаной сумки. Внутри лежала единственная ценность, оставшаяся от её прошлой жизни — ключ от дома, который сгорел дотла вместе с её родителями. Смерть забрала у неё всё, а взамен оставила лишь долги, которые теперь медленно, с наслаждением затягивали петлю на её горле.

Последние месяцы превратились в бесконечное ожидание. Амалия отправляла своё портфолио реставратора в десятки фондов и галерей, но получала лишь вежливые автоответы или молчание, пока долги отца множились с каждой

неделей. Кредиторы менялись, как перчатки — кто-то невидимый перекупал её векселя один за другим. Всё это время она продолжала писать в полицию: она не верила, что пожар был случайностью. Ответы приходили одинаковые — дело закрыто, оснований для пересмотра нет.

Когда отчаяние стало почти осязаемым, всё решилось за одно утро. Кто-то просунул под дверь её полуподвальной мастерской плотный конверт из дорогой матовой бумаги. Без марок, без имени отправителя. Лишь золотая эмблема Weiss Corporation на обороте. Внутри лежала карточка с адресом штаб-квартиры, датой и временем — и записка:

«Я знаю, что ты ищешь. Приходи за ответами, Амалия».

Вензель из переплетённых золотых букв «D» и «W» наводил на тревожные мысли — отправитель явно слишком хорошо знал её ситуацию. До назначенной даты оставалось три дня, и она пыталась понять, к кому идёт. Поиск выдавал пустоту: пресс-релизы, благотворительные фонды, безупречный фасад корпорации и ни одной фотографии владельца. Знакомый оценщик, у которого она осторожно спросила про Вейсов, вдруг заторопился и свернул разговор. Имя, которое произносят шёпотом, — это она усвоила быстро. Но страх отступил перед слабой надеждой: похоже, это был её единственный шанс. Марку, с которым они делили мастерскую, она не сказала ни слова, стыд за отцовские долги оказался сильнее привычки делиться всем.

Никто не спросил, зачем она здесь. Из-за дальней стой-

ки поднялся человек в чёрном костюме и двинулся ей навстречу:

— Мисс Томпсон. Вас ожидают.

Ни имени, ни документов, ни цели визита. Он провёл её через холл, приложил карту к панели лифта и отступил, оставив её одну в зеркальной кабине. Она была внесена в систему этого здания задолго до того, как переступила его порог.

Лифт поднял её на сорок второй этаж так быстро, что заложило уши. Когда створки разошлись, она оказалась перед тяжёлыми двойными дверями из морёного дуба. Стук собственного сердца отдавался в ушах. Выбора не было: либо эта бездна, либо та, что ждала на улице под проливным ливнем. Амалия до боли стиснула зубы и толкнула створку.

Тишина в кабинете казалась физической преградой. За огромным письменным столом, на фоне багрового заката, сидел мужчина. Кабинет тонул в полумраке, отрезая их от остального мира. Эта пугающая изоляция давила на плечи.

Несколько секунд Амалия видела лишь тёмный силуэт на фоне догорающего неба. Затем мужчина подался вперёд, к янтарному кругу настольной лампы, словно нарочно давая себя рассмотреть. Ни одной фотографии в сети. Теперь она понимала почему.

Дамиан Вейс оказался моложе, чем она ожидала, немного за тридцать. Острые скулы, резкий разлёт бровей, жёсткая линия рта — лицо, без единой мягкой черты. Тёмные, коротко остриженные на висках волосы лежали в свободной

укладке, и только несколько смоляных прядей падали на лоб. Вдоль чётко очерченной челюсти темнела аккуратная, ухоженная щетина, резко контрастировавшая с аристократической бледностью его кожи.

Он сидел, небрежно откинувшись назад, но даже в этой расслабленной позе угадывался внушительный рост, а разворот широких плеч, почти целиком перекрывавший массивную спинку кресла. Тонкая ткань угольно-чёрной рубашки обтягивала сильную шею и ключицы, открытые парой растёгнутых пуговиц, а манжеты скрепляли массивные золотые запонки с тёмными рубинами.

От всей его высокой, поджарой фигуры веяло хищной, давящей доминантностью, какой-то первобытной властью, которая подчиняет пространство без единого слова. Он смотрел на неё сквозь тяжёлый, чуть ленивый прищур глубоких глаз, в которых застыло абсолютное ледяное спокойствие. И только этот холодный прищур в сочетании с чёткими, чувственными для такого беспощадного лица губами создавал гипнотическое напряжение.

Она поймала себя на том, что засмотрелась на него. Осторожность прошептала отвернуться, но перевести взгляд оказалось неожиданно трудно.

По её спине вдруг пробежал озноб, так тело отзывалось на явную, исходящую от этого человека угрозу. Ей было тошно от того, как сильно он подавляет её одним своим присутствием, словно выкачивая воздух из лёгких. Он выглядел как

охотник, который наконец загнал добычу в угол и теперь не торопясь наслаждается её бессилием. Но самым пугающим акцентом в его облике оставались руки. Даже здесь, в тёплом полумраке собственного кабинета, его ладони были плотно затянуты в тонкую чёрную кожу перчаток. В этой тишине Дамиан Вейс казался палачом, уже положившим пальцы на рукоять топора.

— Присаживайся, Амалия, — его голос, низкий, чуть хрипловатый и пугающе спокойный, вызвал глухую вибрацию вдоль позвоночника. — У нас мало времени.

Он не предлагал. Он диктовал.

Амалия посмотрела на глубокое кожаное кресло, но садиться не стала. Вместо этого она неспешно пересекла кабинет, чувствуя, как звук шагов тонет в мягком ворсе ковра. Она подошла вплотную к его столу, опёрлась ладонями о холодную полированную поверхность и посмотрела ему прямо в глаза. Это был глупый, иррациональный вызов, но ей нужно было защитить остатки своей свободы.

— Я пришла за ответами, мистер Вейс. И не намерена играть с вами в гляделки.

В серых глазах Дамиана, потемневших до оттенка предгрозового неба, скользнула и тут же погасла едва заметная тень удивления. Он не отстранился. Не повысил голоса, не изменил своей пугающе мягкой интонации.

Вместо этого, продолжая удерживать её взгляд с почти осязаемой тяжестью, от которой перехватывало дыхание, Да-

миан медленно поднял руки к запястьям.

Тяжёлые золотые запонки поддались пальцам в чёрной коже с сухим, интимным щелчком. Одна за другой. Два крупных рубина глухо стукнули о полированное дерево стола. Не отрывая от Амалии глаз, Дамиан неспешно, складка за складкой, закатал рукава угольной рубашки до самых локтей.

И тогда она увидела то, что он так тщательно скрывал от мира под дорогим сукном.

По бледной коже его сильных, рельефных предплечий расходилась концентрированная, хищная тьма. Десятки, сотни чернильных линий сплетались в сложную ломаную вязь, плотным узором уходя прямо под кромку кожаных перчаток. Это не выглядело простым украшением. Скорее — клеймом, выжженным на самой плоти, или тяжёлой бронёй, вросшей глубоко в кости. Смоляные чернила казались слишком тёмными на фоне его светлой кожи, выпуклыми и почти осязаемыми, словно зажившие ритуальные шрамы.

Он проделал это обыденно и просто, так засучивают рукава перед грязной и трудной работой. И от этого по позвоночнику Амалии прошла острая, леденящая дрожь.

Он неторопливо поднялся с кресла, нависая над ней всей своей внушительной фигурой. Опершись костяшками пальцев о край столешницы, он наклонился вперёд, сокращая расстояние между их лицами до опасного минимума. От него пахло дорогим табаком с горьким бергамотом.

— Ты путаешь отчаяние с бессмертием, — тихо, почти ласково произнёс он. — Не стоит заступать за черту, Амалия. В темноте легко потерять дорогу назад.

— Вы очень прямолинейны, мистер Вейс, — она прошла к креслу и села, аккуратно сложив руки на коленях. Её голос звучал ровно, почти бесстрастно. — Но если вы потратили время на изучение моей биографии, то знаете, что я не люблю тратить время впустую. Ближе к делу, зачем я здесь?

Дамиан слегка склонил голову набок. На его губах не появилось улыбки, но в глазах мелькнуло холодное одобрение. Она не сломалась под его давлением и это его развлекало.

— Хороший тон, — отозвался он, мерно постукивая пальцем по столу. — Рациональность — редкое качество для тех, кто находится на краю гибели. Мы перейдём к делу, как только ты признаешь, что твоя гордость сейчас стоит дешевле, чем бумага, на которой напечатаны твои счета.

* * *

Воздух в кабинете всё ещё искрил от брошенного вызова, когда Дамиан не спеша отстранился. В его движениях не было суеты — лишь выверенная, ленивая грация человека, который точно знает, что жертве некуда бежать. Он обошёл широкий дубовый стол и опустился в кресло. Чёрная обивка кресла скрипнула в тишине. Не отрывая от Амалии своего тяжёлого, изучающего взгляда, он открыл верхний ящик стола.

Стук. На полированную поверхность упала тонкая чёрная папка.

— Открой.

Амалия заволновалась, её пальцы дрогнули. Инстинкты кричали, что прикасаться к вещам этого человека опасно, но профессиональное любопытство и что-то ещё, глубоко скрытое, тянули её вперёд. Амалия осторожно откинула плотную обложку. Внутри, запаянный в защитный бескислотный файл, лежал обгоревший лист пожелтевшей бумаги. Сердце пропустило удар. Она узнала этот почерк — нервный, с наклоном влево. Почерк отца. Страница из его дневника, который, по заверению полиции, полностью сгорел три года назад вместе с домом и родителями. Лист был испещрён непонятными символами, обрывками дат и формулами реставрации, которые отец использовал в своих самых закрытых исследованиях.

— Откуда это у вас? — её голос сорвался на хриплый шёпот. Амалия вскинула голову, чувствуя, как поднимается со дна вся паника и боль, которую она прятала годами. — Мой отец... всё сгорело. Полиция сказала, что ничего не уцелело!

— Полиция видит лишь то, что ей позволяют видеть, — холодно отозвался Вейс, откидываясь на спинку кресла. Его лицо оставалось безжалостно спокойным. — Твой отец был блестящим учёным, Амалия. И отвратительным должником. Он оставил после себя нераскрытую тайну и долги, которые сейчас тянут тебя на дно. Этим утром я выкупил их все. С

этой секунды кредиторы тебя больше не побеспокоят.

Дамиан сцепил пальцы в замок. В тусклом свете заката его глаза казались почти чёрными. Амалия замерла. Облегчение не пришло, его сменил липкий ужас. Банковских клерков сменил человек, способный стереть её в порошок.

— Что это значит?

— Ты принята на работу, — отрезал Вейс. — Переезжаешь в мой шотландский замок. Будешь работать с архивом, который свёл твоего отца с ума. Мне не нужен просто хороший реставратор — их у меня десятки. Мне нужны руки школы Томаса Томпсона. Ты — единственная, кто остался. Расшифруешь для меня каждую букву на старых бумагах. Потому что теперь, Амалия, ты принадлежишь мне.

Абсолютный, тотальный контроль. Он не оставил ей ни единой лазейки. Её мир только что сжался до размеров этой комнаты и человека напротив. Гнев на мгновение заглушил инстинкт самосохранения. Она резко захлопнула папку, так что звук шлепка эхом разнёсся под высокими сводами.

— Я не вещь, мистер Вейс. И я не продаюсь. Вы можете покупать долги и банки, но вы не можете купить меня, — её голос звенел от негодования. — Если вы думаете, что я покорно склоню голову и буду выполнять ваши приказы только потому, что вы помахали передо мной чеком, вы ошиблись. Мой отец мог быть плохим должником, но он не растил рабыню. Ищите себе другую отмычку для своих грязных секретов.

Дамиан даже не дрогнул. Он поднялся во весь рост, нависая над ней, и в его фигуре проступила властная, пугающая сила.

— Громкие слова для той, у кого в кармане нет денег даже на такси до дома, — он опёрся руками о столешницу, наклоняясь к ней через стол так близко, что она видела грозовой отблеск в его глазах. — Ты можешь кричать о свободе сколько угодно, Амалия. Но завтра утром судебные приставы опишут твою мастерскую, а послезавтра ты окажешься на улице. Без имени, без работы и без шанса узнать, за что на самом деле убили твоего отца.

Он склонился ещё ближе к её уху, обдавая знакомым запахом горького бергамота и опасности.

— Ты не продаёшься? Ложь. Ты просто ждала покупателя, который предложит достаточно высокую цену. Я предложил тебе жизнь. Садись и подписывай, пока я не передумал.

«Убили». Слово ударило точнее любых угроз — он произнёс вслух то, что она три года боялась додумать до конца. Вся её гордость рассыпалась перед сухими фактами. Она глубоко вдохнула, заставляя пальцы разжаться. Нужно было собраться.

* * *

Темза за окном окончательно растворилась в сумерках, оставив просторный кабинет во власти густых бархатных теней. В круге света от настольной лампы лежали семь листов

контракта. Воздух стал тяжёлым. Амалия смотрела на плотные листы, свой собственный смертный приговор. Дамиан не торопил её. Он бесшумно опустил обратно в кресло, достал из деревянного футляра платиновую перьевую ручку, похожую на тонкий стилет, и положил её на бумаги.

Прежде чем Вейс успел заговорить, на столе завибрировал телефон. Он бросил взгляд на экран, и его лицо заледенело ещё сильнее. Жестом приказав молчать, ответил на вызов, включив громкую связь.

— Слушаю, — его голос был тихим, но от этой обманчивой мягкости пальцы Амалии сами сжались на ремешке сумки.

— Мистер Вейс, — раздался из динамика хриплый, сбивчивый мужской голос. На фоне слышался шум дождя и тяжёлое дыхание. — Клянусь, мы договаривались с Кейном только о стандартной бюрократической задержке на таможне! Я понятия не имел, что он собирается сорвать сделку! Я не знал, что в ящиках из Вены ваша личная коллекция... Дайте мне сутки, я компенсирую убытки...

Дамиан откинулся на спинку кресла. Он смотрел прямо на Амалию, пока говорил с человеком на другом конце провода. Её взгляд невольно метнулся к папке, где лежали записи отца — нервный почерк, ставший ключом к его гибели, теперь казался ей пугающе реальным доказательством того, что мир Вейса намного опаснее, чем она могла вообразить.

— Компенсируешь? — Вейс усмехнулся, и этот звук был

страшнее крика. — Ты слил конфиденциальную информацию Кейну, подставил моих партнёров, а теперь просишь у меня время?

— Умоляю... У меня семья...

— У тебя была логистическая компания, — равнодушно перебил его Дамиан. — До полуночи у тебя отзовут все лицензии, а завтра ты проснёшься с многомиллионными долгами. И передай своему новому хозяину Кейну: если он ещё раз прикоснётся к моему имуществу, я отрежу ему руки.

Он сбросил вызов. В кабинете повисла тишина. Амалия перестала дышать. Имя «Кейн» и ледяное спокойствие, с которым Дамиан выносил приговор, врезались в её память первым знаком самой настоящей опасности. Животный, первобытный страх холодной волной прокатился по позвоночнику. Она только что своими ушами слышала, как этот человек, даже не повысив голоса, уничтожил чью-то жизнь. Без колебаний. Без капли жалости. И именно ему она собиралась продать свою свободу.

— Ты побледнела, Амалия, — мягко заметил Дамиан, словно они только что обсуждали погоду. Он едва заметным движением подтолкнул к ней платиновую ручку. — Контракт перед тобой. Каждый пункт выверен моими юристами так, чтобы у тебя не возникло даже мысли о предательстве. Твоё проживание в замке, твоё питание, твоя безопасность — теперь это моя ответственность. Взамен я забираю твоё время, твои навыки и твою лояльность. Полную. Безогово-

рочную.

Она опустила глаза на текст. Строчки расплывались.

«Сторона Б обязуется соблюдать полную конфиденциальность...», «Объект реставрации является собственностью Стороны А...». Последний пункт был самым страшным: «В случае нарушения условий или попытки побега, Сторона Б обязуется выплатить все долговые обязательства в трёхкратном размере в течение 24 часов».

Это была не просто ловушка. Это был капкан с железными зубьями.

— Вы забираете не лояльность, мистер Вейс, вы забираете мою жизнь, — прошептала она, чувствуя, как холод металла от ручки передаётся её дрожащим пальцам.

— Жизнь, которую у тебя всё равно бы забрали за долги, — он подался вперёд, и свет лампы скользнул по его затянутому в чёрную кожу рукам. — Подписывай. Узнай правду, которую от тебя прятали столько лет... — он сделал паузу, позволяя безмолвию ударить её по нервам. — Или выметайся за дверь. Возвращайся в свою никчёмную жизнь, жди коллекторов и смиришься с тем, что всё наследие твоей семьи — это просто горстка грязного пепла, а ответы, за которые ты так отчаянно цепляешься, я лично сожгу дотла...

В горле пересохло от запаха бергамота и металлического привкуса страха. Амалия поняла, что её пальцы побелели, сжимая платиновый корпус ручки. Она была загнана в угол.

Секундное колебание показалось ей вечностью. Перо за-

висло над бумагой. Подписать это — значило добровольно войти в клетку, отдать себя во власть человека, который только что стёр чужую жизнь одним звонком. Но альтернативой было забвение, нищета и вечное неведение о том, кто погубил её отца. Амалия прижала кончик пера к плотному листу. Металл заскрипел по бумаге, оставляя аккуратный ро-счерк её имени — подпись под собственной капитуляцией. Положив ручку, она заставила себя глубоко вдохнуть и по-смотрела Дамиану прямо в глаза:

— Надеюсь, вы понимаете, мистер Вейс: покупая мою ра-боту, вы не покупаете мою покорность. Вы приобрели мои долги, но не право меня дрессировать. Если думаете, что я стану послушно заглядывать вам в рот только потому, что вы держите меня на поводке... То сильно ошибаетесь. Моя лояльность имеет границы, о которые вы ещё споткнётесь.

В его стальных глазах мелькнул опасный, живой интерес. Дамиан неторопливо поднялся, обошёл стол и остановился так близко, что она ощутила тепло его тела. Его рука легла на её ладонь, всё ещё лежащую на столе, грубо пригвоздив её к контракту.

— Мне не нужна твоя покорность, Амалия, — выдохнул он. Его лицо оказалось в нескольких дюймах от её губ. — Послушные куклы быстро ломаются. Мне интересно посмотре-ть, сколько ты выдержишь, прежде чем сама попросишь меня забрать твою гордость.

Он отстранился, оставив её задыхаться от близости.

— Добро пожаловать в Weiss Corporation.

Щелчок замка папки прозвучал, как удар судейского молотка. Чернила ещё не подсохли, а контракт уже скрылся в недрах стола.

Дамиан поднялся, застёгивая пиджак. Никакого торжества. Зачем ему праздновать то, что и так по праву принадлежит ему? Одно его скользящее движение в сторону выхода и Амалия, не успев осознать, двинулась следом. Они спускались на подземную парковку в абсолютном молчании.

Лязг дверей лифта отсёк её от внешнего мира, где она ещё была свободна.

Она прижала к себе сумку с её экземпляром контракта, пытаясь ухватиться хоть за какую-то иллюзию контроля. Но внутри лежал не спасательный круг, а поводок, который она сама только что вложила в руки хладнокровному монстру.

В бледном свете люминесцентных ламп парковки её ждал графитово-чёрный Maserati. Амалия понятия не имела, какая это модель, но даже ей было ясно: флагман из самой свежей линейки. Низкая, брутальная посадка и мягкие линии кузова безошибочно выдавали породу затаившегося зверя. Дорогой матовый металл рассеивал холодный серебристый свет — под стать взгляду его владельца. Рядом с ним расположился бронированный внедорожник охраны. Две крупные фигуры в костюмах беззвучно шагнули навстречу. Вейс даже не замедлил ход, лишь коротко махнул рукой.

— На сегодня всё. Свободны, — бросил он.

Охрана молча отступила в тень. По спине Амалии скользнул холод: он намеренно отпустил их, отрезая её от любой помощи.

Дамиан открыл перед ней дверь машины. На заднем сиденье уже стояла её дорожная сумка. Пока она читала контракт, его люди успели побывать в её мастерской и собрать вещи. Он даже не счёл нужным её предупредить.

— Вы послали людей рыться в моих вещах? — вспыхнула она, забыв про усталость и охрану в тени. Чужие руки в её мастерской, в её ящиках, в остатках её жизни. — Мы подписали контракт двадцать минут назад. Вы знаете обо мне всё, а я вас только сегодня увидела. И вы уже распоряжаетесь моей жизнью, как своей собственностью!

— Седьмой лист, пункт о переезде, — Дамиан стоял у открытой дверцы, и в его голосе не было ни раздражения, ни оправданий. — Привыкай, Амалия. С этого вечера в твоей жизни нет дверей, которые закрываются от меня.

Она хотела ответить — и не нашла слов. Это не прозвучало угрозой. Это была констатация.

Салон встретил её ароматом дорогого парфюма — его запахом. Амалия опустилась на сиденье, чувствуя, как адреналин превращает движения в деревянные.

Дверь захлопнулась. Звук вакуумной изоляции мгновенно отрезал их от гула парковки. Пространство сжалось до размеров гроба. Воздух стал настолько плотным и тяжёлым, что его приходилось проталкивать в лёгкие силой. Дамиан

сел за руль, его присутствие давило. Амалия гипнотически уставилась на его руки, когда они властно и привычно легли на руль. Уверенные. Безжалостные. Не знающие пощады.

Двигатель взревел низким, утробным рыком, от которого завибрировали кости. Они вырвались под ливень. Огни ночного города начали размываться на стекл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.